

Як

6.01.04

Бунт и эрос

Руче курьер - 2004 - 16 янв. - с. 41
100 лет со дня рождения Леонида Яковсона

Светлана НАБОРЩИКОВА

Если бы Леонид Яковсон в свое время покинул Россию, как это сделал его ровесник Джордж Баланчин, то, возможно, сейчас лучшие труппы мира отмечали бы не только год Баланчина, но и год Яковсона. Мощь его яркого, хотя и совсем другой природы дарования, пожалуй, сопоставима с баланчиновской, но вот условий для творчества у Яковсона было неизмеримо меньше. Баланчин беспрепятственно работал под ревнивыми, но заботливыми крылышками состоятельных культуртрегеров — сначала Дягилева, потом его американского продолжателя Кирстейна, пестовал авторскую труппу и обретал международную славу. Яковсон, оставшись в Ленинграде, испытал на себе все прелести партийного надзора и советского изоляционизма. Боролся за каждую свою премьеру, а собственный театр — труппу «Хореографические миниатюры», потратив силы и здоровье, получил уже больным, за шесть лет до кончины.

В годы своего расцвета он слыл бунтарем и эротоманом. На самом деле его бунтарство заключалось в постоянных стычках с наблюдателями из Министерства культуры и Ленинградского обкома. Причем досмотру подлежал не только готовый продукт, но также репетиционный и постановочный процесс. Дипломатничать Яковсон не умел и не хотел, потому нормальные для многих его коллег договоры и компромиссы раздражали его до крайности. В ответ он срывался и дерзил, чем вызывал еще большую ненависть к себе. Эротоманом же его можно было признать лишь в стране, где секса не было вплоть до перестройки. Он действительно любил откровенные дуэты, но ни разу не перешагнул грань хорошего вкуса. Склонность к эротике находил естественной для хореографа, понимающего

смысл танца. Был убежден, что балет, чей основной объект — тело, обречен быть эротическим искусством, и никакими патриотическими историями и советскими сюжетами это не прикрыть. А возможности тела, хорошо обученного и тренированного, Яковсон знал досконально и использовал с редкой смелостью и свободой. Отменно владел классическим танцем, изучал фольклор, но подлинным его коньком была свободная пластика. В ней он сполна реализовал свою пластическую фантазию, настолько неумную и щедрую, что мог ставить на каждую ноту по движению и не повторяться до конца музыкальной формы. Лучшие его работы — цикл миниатюр по мотивам скульптур Родена, навеянный рисунками Марка Шагала «Свадебный кортеж» на музыку Шостаковича, вызывавший оторопь пуритан сверхчувственный «Танец гадитанских дев» из прогремевшего в конце 50-х годов «Спартак» — ни на йоту не устарели и смотрятся так, как будто созданы сегодня.

Еще Яковсон был виртуознейшим стилистом, и в этом он непосредственный преемник еще одного ниспровергателя устоев — Михаила Фокина. «Спартак», вдохновленный древнеримскими барельефами, самая известная его стилизация. Но мало кто знал, что зажигательные пляски знаменитого молдавского ансамбля «Жок», восхитившие профессионалов своей первозданностью, тоже принадлежат Яковсону. В Кишиневе постоянно нуждавшемуся хореографу хорошо платили, требуя соблюдения лишь одного условия — анонимности автора. В один из визитов Яковсон привезил 15-летнего ученика Кишиневского хореографического училища Бориса Эйфмана, заболевшего сочинительством после посещения его репетиций. Водительство это было скорее духовного толка. Прямым наследником Яковсона нынеш-

него мэтра российского танца назвать нельзя, и учеников он не оставил.

После его смерти в 1975 году театр выживать трудно, к тому же вдова, Ирина Яковсон, эмигрировав в США, предъявила руководству претензии, подчеркнув, что является собственницей всего балетного наследия мужа. В результате тяжбы яковсоновские постановки в репертуар свелись к минимуму, а генеральный курс был взят на стандартную гастрольную классику — «Лебединое озеро» и «Жизель». Подвижки в отношениях с наследниками наметились лишь два года назад, с приходом нового художественного руководителя Юрия Петухова. Бывший премьер Петербургского театра оперы и балета имени М.П. Мусоргского сразу сказал, что считает главной своей задачей возвращение на сцену театра шедевров хореографа. И уже многое принял в этом направлении, в частности, восстановил большую часть оригинального варианта «Спартак».

Другое дело, что «Роден», «Кортеж» и «Спартак», которые сегодня показывает обновленная труппа, разительно и не в лучшую сторону отличаются от оригиналов яковсоновских времен. Причем нередко на нелепые сравнения провоцируют программы концертов, куда организаторы включают фильмы-балеты, снятые при жизни Яковсона. Когда на черно-белой пленке танцуют его любимые Осипенко, Марковский, Шелест, Зубковская, Макаров, а потом выходят нынешние молодцы, то даже непосвященному становится ясно: бунтарский дух и эротический пыл остались в далеком тоталитарном прошлом, а сегодняшнее поколение прилежно воспроизводит текст и ничего более. Впрочем, текст настолько хорош, что радует сам факт его исполнения и сохранения для потомков. Он — как драгоценное вино, которому непременно наступит черед. Но как скоро?

205